

РЕЦЕНЗИИ

=====REVIEWS=====

РЕЦЕНЗИЯ

Поэмы и баллады А. фон Дросте-Хюльсхоф в переводе А.С. Бакалова (Аннета фон Дросте-Хюльсхоф. Поэмы и баллады / Пер. с немецкого А.С.Бакалова. Самара: Изд-во СамГУПС, 2021. 283 с. УДК 821.112.28. ББК 81.2 Нем Д 75.

© 2021 Т.Н. Андреюшкина *Доктор филологических наук, профессор Тольяттинского государственного университета. Самара, Россия*

Вышла давно «вызревавшая» книга переводов поэм и баллад немецкой поэтессы Аннеты фон Дросте-Хюльсхоф (1797-1848). Автор-переводчик - профессор СГСПУ и СамГУПС, доктор филологических наук А.С. Бакалов. В хорошо оформленном

...Oh, sitzen möcht ich im kämpfenden Schiff,
Das Steuerruder ergreifen,
Und zischend über das brandende Riff
Wie eine Seemöwe streifen.
(Am Turme) [2, с. 321].

Думается, что ряд ее поэтических «родственников» можно было бы и продолжить. Так, в идейно-тематическом отношении немецкой поэтессе очень близок «француз» А.Шамиссо, а духовная лирика Дросте, несомненно, восходит и к традиции барокко (К.Р. фон Грайфенберг, А.Грифус и др.), ее баллады – к штурмерской и постромантической поэзии, поэмы – к традиции классики, в том числе к Гете и Шиллеру. Сам исследователь указывает в одном случае и на мистическое учение немецкого теософа Якоба Беме (1575-1624), получившее отражение в поэме Дросте-Хюльсхоф «Исповедь врача» [6]. При всем этом Дросте в поэзии совершенно оригинальна, а ее «мужской» стиль и ее «неженская» проблематика попросту уникальны - и не только для Германии своего века. Сравнительно малую популярность поэзии Дросте у ее современников и их потомков А.С.Бакалов объясняет «необычностью стиховой фактуры», «усложненностью поэтического синтаксиса», «непривычностью неровного, «непесенного» стиля, «тягой к эпической описательности и цикличности» [4, с. 68-96]. В сюжетах баллад Дросте-Хюльсхоф «закручены» человеческие судьбы, идет противоборство добра и зла, преступника и его жертвы, «игровое поле» ее лирики - нередко стык дикой природы (болото, пустошь, камыши) с миром «цивилизованных» человеческих представлений, в который из болотистой природы проникает что-то мистически-демоническое.

...Der nimmer lächelt, nur des Gebets ...
Mag pflegen drüben im Klosterchor,

«недорогом» издании 5 поэм и 13 баллад на русском языке – почти весь лироэпос самой прославленной немецкой поэтессы «всех времен» (не переведены остались «рыцарский эпос» “Walter” и баллады “Der Graf von Thal”, “Vorgeschichte” и “Der Graue”), бывшей, как считает переводчик, «предтечей европейского импрессионизма», «преодолевавшей романтические клише и каноны и открывавшей в поэзии пути реалистическому методу» [5, с. 263-283].

В послесловии автора-переводчика перечислен ряд поэтов, которым так или иначе была близка по стилю и духу эта «самая английская из немецких поэтесс» XIX века. Среди них Р.Саути и В. Скотт (Дросте переводила их баллады), Д.Китс как автор «средневековых» поэм, а то вдруг неожиданно и «сам» Байрон:

...И я бы корабль по волнам повела,
С врагом захотела б схлестнуться,
А если б я чайкой морскою была,
Я неба смогла бы коснуться...
("На башне". Пер. И. Грицковой) [2, с. 540].

Поэтический стиль Дросте, на взгляд стиховеда, отличается «непосредственностью авторского выражения и живыми разговорными интонациями» [4, с. 87] - как результат воздействия диалектной и разговорной лексики, авторских восклицаний и сравнений, предпочтения отглагольных существительных, регистрирующих акустическое и оптическое восприятие явлений природы. Музыкальность ее поэзии, по Бакалову, особого рода, она происходит не от романтических «песен» эпохи, а от звукописи, отражающей разнообразную палитру природных звучаний. Всесторонний анализ поэтического языка и стиля, особенностей интонации и образности, который проведен исследователем, позволил ему «со знанием дела» приступить к переводу главных произведений «своей» поэтессы.

Баллады, большинство из которых написаны в «балладные» годы (1840-1842), посвящены, как верно отмечает О. Кноррих, «у Дросте-Хюльсхоф, как и у Гейне, демифологизации и дегероизации» [8] средневековых сюжетов и их героев. Таковы «Смерть Энгельберта, архиепископа Кельнского», «Чистилище вестфальской знати», «Обитель Каппенберг», «Вендетта», «Курт фон Шпигель». Почти каждая из баллад завершается размышлением автора над судьбой героя, осуждением его с христианской точки зрения или раскаянием и смертью героя:

...А дальше житье в ожиданье конца:
Он в церковь ходил и глядел на погост.

Und als die siebente Woche verronnen,
Da ist er versiegt wie ein dürrer Bronnen
[1, с. 93].

Баллады Дросте – объемные произведения, часто состоящие из нескольких частей, отражающих сюжетные повороты в необычной жизни героев и смену настроений через изменения интонаций, метра и ритма стихотворения. Чаще всего они написаны 8- или 7-строчными строфами. В первом случае перекрестные рифмы сменяются охватными и парными (ababccdc), во втором – при сохранении перекрестных и парных рифм одной рифмой связаны 2-ая, 4-ая и 7-ая строки (ababccsb). В переводах все особенности рифмовки сохранены. И это знак качества переводов и переводчика!

Что касается стихотворного метра, то в большинстве случаев он в книге переводов тоже соот-

1

„Nun still! Du an den Dohnenschlag!
Du links an den gespaltnen Baum!
Und hier der faule Fetzter mag
Sich lagern an der Klippe Saum;
Da seht fein offen übers Land
Die Kutsche ihr heranspazieren;
Und Rieder dort, der Höllenbrand.
Mag in den Steinbruch sich postieren [7, с. 523]!

В начале же второй части идет описание внешности и беззаботного поведения девушки, не предчувствующей никакой опасности, и которую только чудо с небес уберезет от грозящей ей беды:

2

Ja, lieblich ist des Berges Maid
In ihrer festen Glieder Pracht,
In ihrer blanken Fröhlichkeit
Und ihrer Zöpfe Rabennacht;
Siehst du sie brechen durchs Genist
Der Brombeerranken, frisch, gedrunge,
Du denkst, die Zentifolie ist,
vor Übermut vom Stiel gesprungen [7, с. 525].

Для начала первой части характерна прерывистая интонация (*harte Fügung*), создаваемой за счет односложных слов (*Nun still, du, links, hier, mag, Da seht fein, übers Land, dort*). Вторая часть, напротив, отличается широтой дыхания за счет генитивных атрибутов (*des Berges Maid, ihrer Zöpfe Rabennacht, ihrer Glieder Pracht*) и одного сложносочиненного предложения, в первой части которого параллелизм синтаксических конструкций придает песенность интонации (*In ihrer festen Glieder Pracht! / In ihrer blanken Fröhlichkeit, / Und ihrer Zöpfe Rabennacht*).

В переводе первой строфы переданы разговорные интонации, усиленные разговорной же лексикой (*всем тихо, бегом, вон туда, лодырь, пускай, черт его не съест, уши на макушке*). Вторая строфа контрастирует с первой лирической приподнятостью лексики и напевностью тона. В первой строфе оригинала наблюдается чередование «i» и

Навеки сокрылась улыбка с лица,
Удел ему стали молитва и пост [7, с. 496];

ветствует оригиналу, но бывают и исключения, когда, к примеру, 4-стопный ямб баллады «Смерть Энгельберта, архиепископа Кёльнского» «заменен» на 5-стопный. В балладе «Свист коршуна» (*Der Geierpiff*) (5-стопный ямб у Дросте) первая ее часть переведена 5-стопным же, а вторая – 4-стопным ямбом, что на уровне стихового размера даже неплохо, ибо подчеркивает оппозицию изображаемых в них событий и персонажей: разбойной банды, готовящей засаду (1), и - девушки-горянки, заблудившейся в опасном лесу (2). В первой части царит повелительный тон приказов атамана «Красной банды»:

1

«Всем тихо! Ты – бегом на самый въезд!
А ты туда, к расщепленной осине!
А лодырь Фетцер – черт его не съест!
Пускай заляжет у скалы в низине.
Сюда пылит какой-то тарантас, -
Глядите, вон он катит по опушке.
Ты, Ридер, в камни! Не спускайте глаз,
И тишина, и уши на макушке [1, с. 231-232]!

2

Великолепна дева гор
В нарядном праздничном уборе,
Весь вид ее ласкает взор,
И косы – с темной ночью в споре.
С улыбкой легкой сквозь кусты,
Свежа и, как пион, румяна,
В сиянье сочной красоты
Она выходит на поляну [1, с. 233].

«а» даже в границах одной строки (*still – Schlag, links – Baum, hier – mag*), что находит свое отражение и в переводе: *пылит – тарантас, глядите – катит, Ридер – в камни*). В зачине второй части баллады и в оригинале, и в переводе идет чередование гласных i – o – u (*lieblich, in, sie – Fröhlichkeit, Zöpfe, Brombeerranken – du, durchs, gedrunge, Übermut, gesprungen*; ср. с переводом: *вид – косы, споре, пион – румяна, поляну*), а синтаксические повторы отражаются в переводе в повторах аллитерирующих существительных с согласными [В] (*великолепна, в, весь, вид*) и [С] (*с, споре, сквозь, свежа, сиянье, сочной*).

Если Дросте «оперила» все свои баллады строфой строфикой и четкой системой рифмовки, которые не всегда поддаются безупречной передаче средствами иного языка, то в поэмах таких ограничений нет, и текст получает на языке перевода

определенную «свободу». Текст становится «русским»!

Поэмы – по меньшей мере первые четыре, не ограниченные балладной «схемой», - переведены столь мастерски, что увлекают читателя не менее текстов оригинала. Переводчик со вниманием следует за каждым поворотом сюжета, за каждым описанием внешности и в особенности за каждым изменением в состоянии героя. Возьмем для примера «Исповедь врача» (**Das Vermächtnis des Arztes**). Эта во многом загадочная поэма в духе английских романтиков и постромантических романистов повествует о драматическом происшествии из жизни молодого врача, которого разбойники доставляют ночью из его хижины в свое логово,

...Nein, neben mir, daß Arm an Arm sich drücken,
Sitzt eine Frau, das Auge wie von Stein,
Auf den gewendet, der dem öden Sein,
Es scheint, mit sich zugleich sie wird entrücken.
Im Antlitz lag so tiefer Seelenschlaf,
Was nie bei Kranken und noch Irren traf;
Die Stirn - ein Gletscher klar im Alpental,
Durchkältend uns mit dem gefrorenen Strahl,
Dies Auge – seltsam regungslos und doch,
Erloschen gleich, voll toten Lichtes noch.
Nicht Wahnsinn war's, doch Schlimmres, was ich
sah... [7, с. 891].

Но лицо и весь облик героини изменятся, едва врачу на несколько мгновений удастся облегчить страдания умирающего:

...Sie ist verwandelt; in den schönen Bau
Kam Leben, aber erst wie Dämmerlicht,
Sich mählich, mählich durch die Nebel bricht.
Sie sitzt nicht mehr, sie hat sich aufgerichtet,
Hält mit der Hand des Kranken Haupt gelichtet,
Sie blickt wie ein vom Schlaf erwachtes Reh.
Auf ihre Wange zog ein zarter Schein,
Wie Morgenhimmel, wogend überm Schnee,
Ihm seine lichten Spuren drückte ein [7, с. 893].

Прекрасны описания природы как в этой «альпийской» поэме (особенно во время скачки врача на лошади во время его бегства из разбойничьей пещеры), так и еще больше – в другой, еще более «альпийской» - в «Приюте на Большом Сен-Бернаре» (**Das Hospiz auf dem Großen St. Bernhard**). «Сен-Бернар» - лучшая из поэм Дросте-Хюльсхоф: она драматична, но красива, с уклоном в «готику», но воспеваает силу человеческого духа и его место, его высокую миссию в жизни.

В поэме три части-«песни» (Gesänge), последнюю из которых с ее нереально идиллическим исходом сама Дросте не решилась опубликовать, по-

чтобы тот спас смертельно раненого атамана – ситуация, нередкая в «готической» прозе английских писателей. Поэтессе, а за ней и переводчику, важно было наглядно представить в поэме недюжинные человеческие чувства и страсти героев – бессилие и страхи врача, судьба которого всецело в руках разбойников, чувства женщины-пленницы, которая соперничает умирающему мужу-атаману и которую банда не оставит в живых после его смерти, в лирических воспоминаниях врача-повествователя, знавшего эту женщину в прошлом и ставшего теперь невольным свидетелем ее гибели. Вот как в оригинале и в переводе описывается состояние графини, предчувствующей смерть близкого человека:

...Там женщина сидела. Цвет лица
Свинцовый и глаза – как мертвый камень.
Они в упор смотрели на того,
Кто, как она, покоился на грани.
Ее окаменело естество,
Лишившись всех надежд и ожиданий,
Лоб – будто глетчер с цизальпийских гор,
С энергией промерзшего потока,
И я ни у безумных, ни больных
Не видел умерщвленных лиц таких.
[1, с. 169].

...Она уж не сидит, она в движенье,
Как серна, что воспрянула от сна,
С лица ушло бывшее напряженье,
Больному держит голову она.
Весь вид ее был устремлен и светел,
Хоть этот свет был горем приглушен.
Лицо ее менялось непрестанно,
Порозовели краски щек и век,
Как будто то заря свои румяна
Несмело нанесла на белый снег [1; 171].

этому произведение существует в литературе в двух вариантах. В первой части речь идет о драматическом ночном переходе старика Бенуа во время неожиданной бури в горах. Место действия – Савойские Альпы. Старик несет за пазухой внука-сироту Анри, чтобы приютить его в бездетной семье своей старшей дочери. Вышел в привычную погоду, даже еды с собой не взял, а попал в жгучий мороз и в метель. Центральным эпизодом первой части стала сцена в горном склепе-морге, где во время бури Бенуа с ребенком получили временное, но жуткое пристанище в «компании» мертвецов.

Во второй части читатель по воле сюжета попадает в монастырь Сен-Бернар и знакомится здесь с его героическими обитателями, ежедневно патрулирующими свои горные окрестности в поисках людей, попадающих в беду. Собака Барри, отыскавшая и принеся в монастырь замерзающего ребенка Анри, – литературный образ-слепок с легендарного служебного пса, спасшего,

...Здесь, в Сен-Бернаре, многократно
Скрестились спаниель и дог:
Густая шерсть, по крупу пятна,
Прыгучесть, ум, проворство ног.
Испанской крови и английской
Смешенье выдало букет,
Которого в земле альпийской
Удачней и счастливей нет.
Те псы – работники по нраву,
Им в радость все узнать окрест,
Они здесь властвуют по праву
Хозяев сих гористых мест.

«Каноническая» двухчастная поэма о монахах Сен-Бернара заканчивалась реалистически, но без особой радости на сердце читателя: спасен собакой и возвращен монахами к жизни мальчик Анри, однако оживить тело его провалившегося в пропасть деда не удалось.

Эту беду устраняет третья – «нереалистическая» - песнь поэмы, в которой отважный дед Бенуа был-таки оживлен и возвращен к жизни. Третья песнь превращает трагическую драму в идиллию. И, может быть, лучше всего, если эту третью часть считать отдельным самостоятельным произведением. В ней даже «климат иной», в ней весна и буйное цветение всего, хотя действие всех трех частей происходит, в сущности, на одном то-

...So mild die Landschaft und so kühn!
Aus Felsenritzen Ranken blühen;
So wild das Wasser stürmt und rauscht,
Und drüber Soldanella lauscht.
Aus dem Gestrüppe Fingerhut
Bedächtig streckt die roten Glocken;
Der Steinbrech hält sich fest und gut,
Das Geißblatt windet sich erschrocken;
Und dort zur Rechten, überm Rain,
Zeitlosen mit erneuter Kraft
Verhauchten Lilas Schimmer streun,
Und drüben hebt den Purpurschaft
Die Orchis, wie ein schlanker Knabe
Zur Herde schaut von seinem Stabe [7, с. 865].

Поэма завершается благополучной, во всех отношениях счастливой развязкой и размышлением

...Wirst du aus reinem Herzen fragen.
Sind nimmer sich die Formen gleich,
Was diesem karg, dünkt jenem reich:
Nicht über Lüge darfst du klagen.]

согласно монастырским хроникам, более 40 человек. По замыслу поэтессы, именно Барри должен был стать «цементирующим» центром поэмы. И хотя в реальности истинными ее героями предстали монахи-спасатели, поэтесса рисует образы собак с такой тщательностью, с какой создается образ любого «человеческого» персонажа:

Они трудяги до измору:
Готовы, коль им в долг вменить,
Обшарить степь, ущелье, гору,
Искать, спасти, нести, служить!
Бегут, резвятся оголтело,
Как дети, что не знают бед,
Когда же нужно делать дело,
То им в горах замены нет.
Всех впереди великий Барри.
Хоть он до чертиков устал,
Но он и здесь опять в ударе
И в псарне отдыхать не стал...[1, с. 32].

пографическом клочке земли и в течение одних и тех же суток.

Третья часть интересна созданием ярких картин природы и красочным описанием праздника в селении Сен-Реми, куда Бенуа нес своего внука. Изображение природы в ее весеннем убранстве создает праздничное настроение, царящее в селении. После сообщения о гибели старика (то, что оно окажется недостоверным, люди узнают позже) описание природы успокаивает и гармонизирует чувства как у читателя, так и у группы героев, покидающих праздник, чтобы отправиться в Сен-Бернар за телом якобы погибшего. Текст поражает описанием множества цветов, встречающихся путникам по дороге.

...Вот колокольчик огневой
Кивнул, как другу, головой,
Там наперстянки стебелек
На плечи камнеломки лег,
И тут же жимолость-вьюнок,
Стесняясь, вьется возле ног.
А чуть правее, за межой
Безвременника куст большой,
На склоне издали видно
Его лиловое пятно.
Стоит на страже, как солдат.
Ятрышник, орхидей брат,
Его копьё, пурпурный щит
Врага любого устршит [1, с. 64].

поэтессы о равноценности как мирской, так и монашеской жизни:

...Так что терзаться, голову ломая,
Искать для всех единственный резон?
То, что иному будут кущи рая,
Другой воспримет как докучный сон.

Ach Glück ist Frieden – Frieden Glück!
Der Tau die Schimmer wirft zurück,
Und tausend Farben zeigt der Schein:
Doch *einen* Strahl sie hüllen ein [7, с. 882].

«Битва в Лонской пади» (**Die Schlacht im Loener Bruch**) – дань поэтессы Дросте событиям Тридцатилетней войны, которая затронула и ее «тихий мирный край родной», ее Вестфалию [1; 86]. Военные события по контрасту сменяются в поэме сценами мирной жизни. Начало поэмы – описание вечернего вестфальского пейзажа, из сумерек которого буквально «наплывают» на поэтессу картины давно отгремевшего военного прошлого. За описанием играющих у озера детей следует сцена со спешивающимися у водополя солдатами, уставшими после боя и отступления. Два

...Ach, soll ich künden, wie entehrt
Ward meines Glaubens theurer Heerd!
Wie man die Heiligthümer fand,
Und kirchenschänderische Hand
Mit Branntwein füllt bis oben an
Den Kelch, so faßte Christi Blut!
Wie man Gewänder, gottgeweiht,
Sah wehn um Kriegerschultern breit!
Was schonte jemals Schwärmerwuth?
Was mehr noch ein Verbrecher, der
Soldat nur ist von ungefahr?
Die Fenster klirren, vom Gestell
Apostel schmettern, schwankend zischt
Die ew'ge Lampe und erlischt.
Vom Lanzenstich der Märtyrer
Zum zweitenmal wird todeswund.
Reliquien bestreu'n den Grund,
Von Hammerschlägen, Speeres Stoß
Reißt der Altar sich krachend los [7, с. 934-935].

Взгляд автора из лагеря протестантов переносится в замок, где расположился штаб католиков (именно так разворачиваются события в исторических романах В. Скотта. Начало самой битвы поэтесса начнет «освещать» из протестантских позиций лагеря Христиана Брауншвейгского). Дросте кратко охарактеризует каждого из присутствующих военачальников, после чего последует сцена в лесу, где молодой Альбрехт Тилли, сын предводителя католиков, обнаружит лагерь про-

...Zweihundert Jahre sind dahin:
Und alle, die der Sang umfaßt,
Sie gingen längst zur tiefen Rast.
Der Tilly schläft so fest und schwer,
Als gäb' es keinen Lorbeer mehr;
Und Christians verstörter Sinn
Ging endlich wohl in Klarheit auf.
Wie trübt die Zeit der Kunde Lauf!
An seiner Krieger moos'gem Grab

Но миллиард спаявшихся росинок,
Встречая солнца луч, нам даст ответ:
От них исходит радугой единой
Неистребимо чистый росный свет [1, с. 84].

лагеря – католический и протестантский – представлены не только четко прописанными портретами своих предводителей – Христиана Брауншвейгского и старшего Тилли, но и образами мирных людей, страдающих от войны. Вот растерзан солдатней священник, продолжавший исполнять свой долг, подвергается разграблению его церковь. От описания конкретного события Дросте переходит к размышлению о войнах и преступлениях, которые совершались мародерами якобы во имя своей веры:

...Мне горько помнить о беде:
В каком бы ни случилось месте,
Где шла война, солдат везде
Жег, бил, насиловал, бесчестил.
О, вера светлая отцов!
В те годы страшных лихолетий
Каких не множили грехов
Заблудшие Христовы дети!
Врывались, сея смерть и страх,
Шнапс из святых сосудов пили,
Кострища жгли на алтарях,
Распяты саблями рубили.
«Тут дьявол!» - вдруг раздастся крик,
И в ход идут приклад и штык.
И кто-то в раже исступленном
В Блаженной девы светлый лик
Швыряет зеркало со звоном,
Реликвии – под сапогом,
Кровь, смерть, Гоморра и Содом [1, с. 106].

тивника и станет свидетелем разговора герцога с его несостоявшимся убийцей.

После подробного изображения битвы, в котором доля внимания поэтессы будет уделена судьбе каждого из главных героев, поэма заканчивается описанием преследования и гибели потерпевшей поражение протестантской армии. Окончание поэмы подчеркивает бессмысленность войн с исторической точки зрения:

...Две сотни лет прошли чредой,
И все, кто в песнь вошли,
Давно уж спят в земле сырой,
В объятиях земли.
Тяжел и крепок Тилли сон,
В нем лавров нет за смелый бой,
Спит Христиан-безумец. Он
Обрел здесь, наконец, покой <...>
...Холмятся кочки у болот,

Beugt weidend sich das Rind herab,
Willst du nach diesen Hügeln fragen:
Nichts weiß der Landmann dir zu sagen <...>
„Ein Heidenknochen! Schau, hier schlug
Der Türke sich im Loener Bruch“ [7, с. 986].

«*Spiritus familiaris* барышника» (**Spiritus familiaris des Roßtäuschers**) – последняя поэма в книге переводов А.С. Бакалова. По сути дела, это тоже баллада, только разросшаяся до объема поэмы. Структурная необычность произведения в том, что оно состоит из двух вариантов рассказа на одну и ту же тему - прозаического фольклорного и не во всем с ним схожего стихотворного авторского. Обе версии представляют собой две разновидности “фаустовской” темы, повествующей о договоре человека с дьяволом и о продаже ему своей бессмертной души.

Человеку, на которого одно за другим валяются тяжкие житейские испытания, предоставляется возможность одним росчерком пера прервать полосу бед и навсегда обрести материальное и психологическое благополучие. Для этого надо лишь в определенное время попросить помощи у некоего «Общества», и это «Общество» - своего рода коллективный дьявол – «бесплатно» вручит несчастному стеклянный пузырек с заключенным в нем «*spiritus familiaris*» - «семейным духом», обитающим в виде «*то ли мухи, то ли скорпиона*», а взамен потребует лишь дать расписочку в его получении. Расписка, разумеется, пишется кровью

Полученное в дар насекомое становится отныне неразлучным спутником своего владельца и представляется ему вначале поистине счастли-

...Der Täuscher richtet sich, er seufzt, dann
drängend nach des Forstes Mitte;
An eklem Pilze klirrt der Sporn und Blasen schwel-
len unterm Tritte,
Hier wuchern Kress' und Binsenwust, Gewürme
klebt an jedem Halme,
Insektenwirbel wimmelt auf und nieder in des Moo-
ses Qualme,
Und zischend, mit geschwelltem Kamm,
Die Eidechs sucht den hohlen Stamm [7, с. 1004].

Как и полагается по легенде, после всех мытарств поэма закончится раскаянием героя-грешника и спасением его души:

...Das Buch - das Buch - er sieht das Buch –
o Gottesmutter, Gnade! Gnade!
Er liebte dich, er liebte dich in Sünd' und Schmach!
- gleich einem Rade
Die Zeichen kreisen - Gott, o Gott, er sieht ein
Händchen niederreichen,
Mit leisem goldnem Fingerzug die blutgetränkten
Lettern streichen!

На них пастух пасет свой скот.
И если из-под плуга кость
Иль череп явятся на миг,
На свой вопрос заезжий гость
Получит тут же и ответ:
«Когда-то в пади был здесь бой,
Дрались здесь турки меж собой» [1, с. 166].

вым приобретением. С его помощью будут мгновенно устранены все жизненные неурядицы, придут богатство, здоровье, благополучие, безопасность, придет даже любовь со стороны друзей и страх - со стороны врагов, однако за все это, как выяснится, платить все же придется. И главная цена, как и в «Фаусте», - душа: владелец пузырька с «мухой» отправится после смерти прямо в ад, и не будет ему спасения. Вот почему владельцы «счастливого» пузырька пытаются от него избавиться.

В поэме-балладе А. Дросте 7 частей, представляющих различные эпизоды «крестного пути» барышника. У них жесткая структурная архитектоника. Каждая часть состоит из 6-строчных строф с тремя парными рифмами (aabbcc), 4 строки каждой строфы написаны 8-, а последние две – 4-стопными ямбами. Переводчик без проблем справился с заданным размером, демонстрируя гибкость в подборе рифм. Наряду с описанием мерзкого существа в склянке, которое исполняет все корыстные желания «хозяина», в поэме много сцен из реальной жизни, в том числе и из описания любимой Дросте болотистой местности. Именно в болоте обманутый барышник будет тщетно пытаться утопить свою склянку:

...Барышник глубоко вздохнул и, повернувшись,
скрылся в чаще.
То дрогнет кочка под ногой, то гриб
под шпорою звенящей.
Болото, заросли куги, налипли черви на осоке
И мхи, как дым, и мошкара звенит над мокретью
в протокке.
И ящера, ощерив рот,
В дупло прогнившее ползет [5, с. 200].

...И книгу, книгу видит он. О, мать Божья! Горе,
горе!
Но Бог - любовь, и Он простит и в заблужденье
и в позоре!
И видит старец Божий знак: раскрыта нужная стр
И страшных букв кровавый ряд стирает детская
десница.
И ожил взгляд у старца вмиг,

Und auf des Täuschers bleichen Mund
Ein Lächeln steigt in dieser Stund' [7, с. 1014].

Он улыбнулся и... затих [1, с. 206].

Даже очень краткий проведенный здесь рецензентом обзор переводов А.С. Бакалова показывает не только их весомую художественную значимость, но и значение научно-практическое. Переводы знакомят отечественного читателя с важной частью поэтического творчества немецкой поэтессы А. Дросте-Хюльсхоф, дают импульс к оживлению исследований ее творчества.

На взгляд рецензента, труд самарского ученого и переводчика - свидетельство его истинного профессионализма, а выход книги с переводами лироэпикки Аннеты фон Дросте-Хюльсхоф - событие не рядовое, но акция, которой российская германистика вправе заслуженно гордиться.

1. Аннета фон Дросте-Хюльсхоф. Поэмы и баллады / Пер. с немецкого А.С. Бакалова. - Самара: Изд-во СамГУПС, 2021. - 283 с.
2. Дросте-Гюльсгоф, А. На башне // *Немецкая лирика XIX века*. - М.: «Радуга», 1984. - С. 540.
3. Дросте-Хюльсхоф, А. фон. Баллады и поэмы / сост. и пер. с нем. А. Бакалова. - Самара: СамУПС, 2014. - 196 с.
4. Бакалов А.С. Аннета фон Дросте-Хюльсхоф // Бакалов А.С. *Немецкая послеромантическая лирика*. - Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. - С. 68-96.
5. Бакалов, А. С. О лирическом эпосе А. фон Дросте-Хюльсхоф // Аннета фон Дросте-Хюльсхоф. Поэмы и баллады / Пер. с немецкого А.С. Бакалова. - Самара: Изд-во СамГУПС, 2021. - С. 263-283.
6. Бакалов, А. С. Послесловие переводчика // Дросте-Хюльсхоф А. фон. Баллады и поэмы. С. 183-185.
7. Droste-Hülshofs Werke und Briefe. Erster Band. Lyrik. Epische Dichtungen / Hrsg. von Manfred Häckel. - Leipzig: Insel-Verlag, 1976. - 1094 p.
8. Knörrich, O. *Lexikon lyrischer Formen*. 2., überarb. Aufl. - Stuttgart: Kröner. - 274 p.